

М. Ю. Тимофеев
**СЕМИОТИЧЕСКАЯ МАТРИЦА ФАБРИЧНОГО ГОРОДА XIX В.:
 МАНЧЕСТЕР, ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСК И ЛОДЗЬ**

doi: 10.30759/1728-9718-2021-1(70)-89-96

УДК 82(47+438)

ББК 83.3(2Рос+4Пол)

Тема статьи — формирование индустриального городского нарратива в литературе XIX в. Процессы изменения городской среды в результате промышленной революции предполагали создание нового образного языка описания индустриальных центров. Это касалось изображения социальных изменений и контекста, в котором они происходили. Основной анти-тезой промышленных локусов выступает не патриархальный город, а природная среда или сельская местность, меняющиеся в результате экспансии растущего числа заводов и фабрик. Одной из наиболее бурно развивавшихся сфер капиталистического производства в XVIII–XIX вв. была текстильная промышленность. В середине XIX в. Манчестер стал своеобразным эталоном для текстильных центров в разных странах Европы. В качестве примера изображения индустриальных локусов рассматриваются тексты, рассказывающие о двух «Манчестерах» Российской империи — селе Иваново (с 1871 г. городе Иваново-Вознесенске) и польском городе Лодзи. В первом случае в качестве основы формирования локального текста выступают многочисленные очерки, рассказы и стихи, а во втором — известный роман В. Реймонта «Земля обетованная». Семиотический анализ затрагивает городскую среду и ландшафт, аудиальные и ольфакторные характеристики типичных фабричных городов.

Ключевые слова: *семиотика города, городской текст, фабричный город, локальный текст, семиотическая матрица города*

Предметом рассмотрения настоящей статьи будут способы описания индустриальных локусов в течение XIX в., формирующие специфический локальный текст. Объектами анализа выступают очерки, рассказы и стихи, обрисовывающие промышленное село Иваново, ставшее в 1871 г. городом Иваново-Вознесенском, известный роман В. Реймонта «Земля обетованная» о развитии польской Лодзи, а отправной точкой будет репрезентация города Манчестера в английской литературе XIX в. В основе анализа будет лежать системно-семиотический подход.¹ Мы будем исходить из того, что «городской текст» как репрезентационная модель является системой, в которой присутствуют три уровня организации: концептуальный (уровень системообразующего свойства), структурный (уровень системообразующего отношения) и субстратный (уровень элементов системы). Системообразующими компонентами являются концепт и структура,

субстрат же играет подчиненную роль.² Исходя из этого, мы рассмотрим, каким образом в течение XIX в. формируется новый урбанистический концепт — фабричный город.

Изучение феномена «городского текста» берет начало в работах Ю. М. Лотмана и В. Н. Топорова, посвященных «петербургскому тексту», где авторы обращаются к топосу, являющемуся для культуры XX в., сформированной в течение двух столетий и обладающей множественными смыслами, «сверхнасыщенной реальностью».³ Ю. М. Лотман обращал внимание на то, что «обычно история города включает в себя длительный период, в течение которого он существует только как материальный объект, лишь постепенно накапливая знаковые, символические значения разных планов и только со временем занимая место в семиотике культуры. В истории Петербурга символическое бытие предшествовало материальному. Код предшествовал тексту».⁴ Это обстоятельство в рамках предложенной нами методологии свидетельствует о доминировании идеи города

¹ См.: Касаткина С. С. Урбосфера: практики осмысления городского пространства. Череповец, 2018; Тимофеев М. Ю. Нацисфера: Опыт анализа семиосферы наций. Иваново, 2005.

Тимофеев Михаил Юрьевич — д.филос.н., профессор кафедры философии, главный редактор журнала «Labyrinth. Теории и практики культуры», Ивановский государственный университет (г. Иваново)
 E-mail: timofoev.01@gmail.com

² См.: Дмитриевская И. В. Текст как система: понимание, сложность, информативность. Иваново, 1985; Уёмов А. И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978.

³ Топоров В. М. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (введение в тему) // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. 18. С. 4. (Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. Вып. 644).

⁴ Лотман Ю. М. От редакции // Там же. С. 3.

как концепта над структурным и субстратным уровнями его системной организации.

Если обратиться к рассмотрению субстрата города как системы, то составляющие его элементы образуют в определенных сочетаниях в чем-то похожие локусы, несомненно обладающие собственной уникальностью, которая задается на концептуальном и структурном уровнях. В. Н. Топоров полагал, что, «как и всякий другой город, П<етербург> имеет свой “язык”. Он говорит нам своими улицами, площадями, водами, островами, садами, зданиями, памятниками, людьми, историей, идеями и может быть понят как своего рода гетерогенный текст, которому приписывается некий общий смысл и на основании которого может быть реконструирована определенная система знаков, реализуемая в тексте».⁵ Именно это обстоятельство дает возможность сопоставлять Петербург с Пальмирой и Венецией, а Иваново-Вознесенск и Лодзь с Манчестером.

В. В. Абашев, характеризуя структуру того, что мы называем системно-семиотической моделью города, указывал, что «в стихийном и непрерывном процессе символической репрезентации места формируется более или менее стабильная сетка семантических констант. Они становятся доминирующими категориями описания места и начинают, по существу, программировать этот процесс в качестве своего рода матрицы новых репрезентаций. Таким образом, формируется локальный текст культуры, определяющий наше восприятие и видение места, отношение к нему».⁶ Синтагма репрезентативных элементов / знаков локального текста формирует семиотическую структуру, которую мы рассматриваем в качестве семиотической матрицы города. Она объединяет как знаки новой реальности, так и существовавшие ранее, но получившие иную семантику в изменившемся контексте.

I

Одной из наиболее бурно развивавшихся сфер капиталистической промышленности в XVIII–XIX вв. было хлопчатобумажное производство. Доминирование Манчестера в этом сегменте мирового рынка на протяжении XIX в. отразилось в том, что город именовали Коттонополисом. К 1816 г. в городе было 86 хлопчатобумажных фабрик, производивших товары невиданными ранее темпами. К 1825 г. это

число увеличилось до 104 хлопкопрядильных фабрик со 110 паровыми машинами, расположенными по всему городу. Образ «прокопченного Манчестера» стал нарицательным.⁷

Ближе к середине XIX в. возникает необходимость создания языка описания нового типа города. В опубликованной в 1843 г. книге «Старое и новое» Т. Карлейль высокопарным классическим слогом создает образ капиталистического города: «Закоптелый Манчестер и тот построен над бесконечной пропастью; и над ним простирается твердь небесная; и в нем царит рождение и смерть; и он во всех отношениях так же таинствен и непостижим, как древнейшие города времен пророков».⁸ Подобно тому, как средневековые живописцы были равнодушны к пейзажу, писатели нового времени не обращали внимания на изменения городского ландшафта. Изданный в 1848 г. роман Э. Гаскелл «Мэри Бартон» начинается с противопоставления сельской идиллии шумному фабричному Манчестеру, однако город практически не представлен в тексте, за исключением нескольких незначительных, но важных для понимания формирования языка описания фрагментов. Описание пожара на фабрике Карсона дает автору повод показать скученную застройку густо заселенной старой части города, где строились первые прядильные фабрики. Атмосфера места передается следующим образом: «...на фабрику вела лестница в западном конце здания, выходящая на широкую грязную улицу, где размещались, главным образом, трактиры, лавки ростовщиков, склады старьевщиков, грязные лавчонки, в которых торговали съестными припасами. Другой, восточный, конец фабрики упирался в очень узкий проулок, не больше двадцати футов ширины, плохо замощенный и совсем без фонарей».⁹ В описании праздничного воскресного утра упоминаются важные для индустриального города звуки и запахи: «В это утро не слышно было фабричных колоколов; рабочие не спешили спозаранку на работу... зато вы могли видеть какого-нибудь труженника, направляющегося за город подышать свежим воздухом». И наконец, весьма парадоксальным для сюжета романа является описание отъезда главной героини: «Она сидела

⁵ Топоров В. М. Указ. соч. С. 13.

⁶ Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000. С. 11.

⁷ См.: Pickering P. “Sooty Manchester”: (Re)Presenting an Urban-Industrial Landscape // Constructing Industrial Pasts: Heritage, Historical Culture and Identity in Regions Undergoing Structural Economic Transformation. New York; London, 2020. P. 27–46.

⁸ Карлейль Т. Теперь и прежде. М., 1994. С. 314.

⁹ Гаскелл Э. Мэри Бартон. Манчестерская повесть. М., 1963.

спиной к паровозу и, глядя на фабричные трубы и дым, стелющийся над Манчестером, испытывала что-то похожее на “Heimweh” (Тоску по родине (нем.)).¹⁰ В романе «Север и Юг» (1855), где город выведен под названием Милтона, Гаскелл чаще прибегает к описанию фабричной атмосферы этого Коттонополиса, больше внимания уделяя запаху дыма и машинного масла, хлопковой пыли и постоянно шуму станков и паровых машин.¹¹

Подробно и образно описывая северо-западные индустриальные районы в книге «Положение рабочего класса в Англии» (1845), Ф. Энгельс указывает на контрастное зонирование родного Манчестера, в котором человек может прожить «много лет, выходить на улицу ежедневно и ни разу не побывать в рабочем квартале и даже не прийти в соприкосновение с рабочими, если вообще будет выходить только по своим делам или на прогулку». Рабочие кварталы находятся на восточной и северо-восточной окраинах, куда «ветры гонят дым из всех фабричных труб».¹² Подводя итог рассказу о Старом городе, он пишет: «...перечитывая свое описание, я должен признаться, что не только ничего не преувеличил, но, напротив, еще недостаточно ярко показал грязь, ветхость, мрачность и противоречащий всем требованиям чистоты, вентиляции и гигиены характер застройки этого района, в котором проживают по меньшей мере двадцать или тридцать тысяч жителей. И такой квартал находится в центре второго города Англии, первого фабричного города мира! Для того чтобы узнать, каким малым пространством человек может довольствоваться для движения в случае необходимости, каким малым количеством воздуха — и какого воздуха! — для дыхания он в крайнем случае может обойтись, при каком минимуме благоустройства он может существовать, достаточно побывать в Манчестере».¹³ Сосредотачиваясь на условиях жизни рабочих, Энгельс создает ставший впоследствии весьма распространенным образ того, как колоссальные шести-семиэтажные здания высоко возвышаются своими стройными трубами над низенькими коттеджами рабочих.¹⁴

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Гаскелл Э. Север и Юг. М., 2018.

¹² Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. По собственным наблюдениям и достоверным источникам // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 2. URL: https://www.marxists.org/russkij/marx/1845/working_class_england/index.htm (дата обращения: 05.12.2020).

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Там же.

Хрестоматийный производственный роман Ч. Диккенса «Тяжелые времена» был опубликован в 1854 г. и в том же году вышел в России на русском. Прообразом вымышленного города Кокстауна был Манчестер. В этом маленьком романе Диккенс виртуозно дает краткое и емкое описание фабричного города, которое вмещает в себя практически всю синтагму его семиотической матрицы:

«То был город из красного кирпича, вернее он был бы из красного кирпича, если бы не копоть и дым; но копоть и дым превратили его в город ненатурально красно-черного цвета — словно размалеванное лицо дикаря. Город машин и высоких фабричных труб, откуда, бесконечно вьась змеиными кольцами, неустанно поднимался дым. Был там и черный канал, и река, лиловая от вонючей краски, и прочные многооконные здания, где с утра до вечера все грохотало и тряслось и где поршень паровой машины без передышки двигался вверх и вниз, словно хобот слона, впавшего в тихое помешательство».¹⁵

II

Учитывая, что промышленная революция в Англии намного опередила развитие капитализма в России, можно предположить, что из викторианской Британии заимствовались не только механизмы и технологии, но и сам способ описания новых индустриальных локусов. Ивановская фабричная тема в русской литературе впервые появляется в 1860-е гг. С легкой руки академика В. П. Безобразова промышленное село Иваново нарекается «русским Манчестером».¹⁶ «Ивановский текст» отечественной литературы достаточно хорошо исследован.¹⁷ В XIX в. он формировался главным образом из социально-экономических очерков, стихов, рассказов и повестей, создавая довольно пестрое лоскутное одеяло. Семиотическая матрица города обрела многомерность, не приобретая при этом целостности. Кроме этого, образ города базировался не столько на субстрате, сколько на концепте, заданном метафорическими названиями первых локальных текстов.

По мнению Л. Н. Таганова, в 1860-е гг. в повести В. А. Рязанцева «Тихий омут» и очерке

¹⁵ Диккенс Ч. Тяжелые времена // Собр. соч.: в 30 т. М., 1960. Т. 19.

¹⁶ См.: Безобразов В. П. Село Иваново. Общественно-физиологический очерк // Отечественные записки. 1864. № 1. С. 266–304.

¹⁷ См.: Голубев Н. А. Формирование локального текста: ивановский опыт: дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2014; Таганов Л. Н. «Ивановский миф» и литература. Иваново, 2014.

«Чертово болото» Ф. Д. Нефедова начинает со- творяться «черный» миф об Иванове, легший в основу литературного текста города на многие годы. Однако повесть так и не была издана, и посвящены оба текста обличению нравов местных фабрикантов без демонстрации происходящих в селе изменений, к фиксации которых Нефедов прибегает в очерках «Наши фабрики и заводы», печатавшихся без подписи в 1872 г. в «Русских ведомостях». В них он развенчивает миф о русском Манчестере как цветущем фабричном городе, показывая картину неизбежных для индустриального локуса контрастов:

«Вдали перед вами открывается прекрасный город с каменными зданиями, множеством высоких труб и еще более высоких колоколен и богатыми храмами, золотые главы которых так и ослепляют глаза. Но это впечатление тотчас же сменяется другим, когда локомотив быстро подкатит вас к вокзалу ивановской станции и вы очутитесь лицом к лицу с русским Манчестером. Куда девался красивый город, которым за несколько минут вы восхищались? Нет больше его, он исчез! Вместо красивого города вы уже видите сплошную массу почерневших от ветхости деревянных построек, раскинутых на шестиверстном пространстве, да изредка и кое-где из-за них выставляются каменные дома купцов и длинные корпуса фабрик; везде солома и тес, покрывающие хижины и жилища манчестерцев. Только одни церкви с их золотыми верхами и красные трубы остаются во всей своей неизменной красе».¹⁸

Это описание переключается с зачином книги «Город Иваново-Вознесенск, или бывшее село Иваново и Вознесенский посад» (1884) местного фабриканта и краеведа Я. П. Гарелина:

«На переднем плане река, по берегам которой в виде гирлянды тянется ряд фабрик, над ними постепенно поднимается город, блестя золочеными главами церквей и выставляя местами высокие фабричные трубы вперемешку с крышами домов».¹⁹

Фабричные трубы, характерные для самых разных промышленных локусов,²⁰ в равнинном ландшафте выступают явными вертикальными доминантами,²¹ соперничая по высоте

с колокольнями и создавая тем самым символическую оппозицию индустрии и веры, где материальное побеждает духовное.²² В стихах С. Ф. Рыскина трубы выполняют не только функцию маркера места («Манчестера русского трубы дымят, — / И дым пеленою тяжелой / Скрывает усталого солнца закат / За близкой рощей сосновой»), но и магическую функцию в описываемом им новогоднем обряде пролезания фабрикантов по трубе для увеличения барыша.²³ Дым и гарь как неизбежные спутники огромного количества труб котельных, работающих на угле и дровах, описывают многие авторы, но это не самые ужасные запахи фабричного города, заслуживающие внимания. Как отмечает Н. А. Голубев, «главный источник ивановской идентичности (следовательно, и запахов) — текстильная промышленность».²⁴ Я. П. Гарелин писал о том, что по запаху красителей невесты выбирали себе женихов: «вот этот красной краской набивает, а этот желтой; красной ужасно пахнет, а желтой полегче, но зато набойщик красной получает больше».²⁵

В небольшой журнальной публикации, как замечает Н. А. Голубев, Нефедов девять раз употребляет слово «запах» и, поскольку для воссоздания атмосферы места одного его может быть не достаточно, он постоянно «смешивает» самый распространенный и назойливый маслянистый запах фабрики с пылью.²⁶ Нефедов выделяет три основных ольфакторных оттенка ивановских фабрик: 1) запах масла, царящий в машинных отделениях; 2) «кислый тяжелый запах» в шлихтовальной, где проклеивают пряжу; 3) «запах поташа и извести» в отбельной.²⁷ Этими запахами пропитаны не только фабричные помещения и дворы. Химические отходы долгое время сливались по специальным желобам в реку, что способствовало тому, что запахи текстильного производства становились неотъемлемой частью городской жизни.

Взгляд на высокие трубы и ароматы отделочных и красильных производств не должен отвлекать внимание от того, что было под нога-

²² См.: Голубев Н. А. Фабричная труба как прописная буква ивановского текста. Взаимодействие ландшафтов // Вестн. Костром. гос. ун-та. 2013. Т. 19, № 3. С. 113.

²³ Рыскин С. Ф. Баллады. Поэмы. URL: http://muzeypiscowa.ucoz.ru/load/tvorchestvo_s_f_ryskina/stikhi/ii_ballady_rochmy_glavy/27-1-0-58 (дата обращения: 05.12.2020).

²⁴ Голубев Н. А. Запахи города: ольфакторные характеристики «ивановского текста» // Известия высших учебных заведений. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. Т. 5, № 2. С. 107–111.

²⁵ Гарелин Я. П. Указ. соч. С. 41, 42.

²⁶ См.: Голубев Н. А. Указ. соч. С. 109.

²⁷ Там же.

¹⁸ Нефедов Ф. Д. На текстильных фабриках в семидесятые годы. М., 1931. С. 8, 9.

¹⁹ Гарелин Я. П. Город Иваново-Вознесенск, или бывшее село Иваново и Вознесенский посад: в 2 ч. Шуя, 1884. Ч. 1. С. 5, 6.

²⁰ См.: Тютюнник Ю. Г. Объекты индустриальной культуры и ландшафт. Киев, 2007. С. 102–109.

²¹ См.: Тимофеев М. Ю. Пейзаж с фабрикой: визитная карточка города Иваново // География искусства: новые ракурсы. М., 2020. С. 213–222.

ми русских манчестерцев. Даже после образования города (а очерки писались во время его создания) замощены были только центральные улицы, остальной город мало отличался от сел и деревень. Нефедов указывает на это обстоятельство только применительно к частному локусу. Он пишет, что «фабричные двory в большинстве случаев тесны и ничем не вымощены; не только осенью, но даже летом они редко когда пересыхают, чуть ненастная погода — обращаются в топкие болота, и рабочий вязнет в грязи буквально по колена».²⁸

Н. А. Полушин в своих зарисовках фабричного быта, изданных под привычным претенциозным названием «Русский Манчестер» в 1886 г., концентрирует внимание читателей преимущественно на происходящем в пределах фабричного пространства, включая в трагические рассказы приметы, связывающие фабрику с городом. В частности, в описании зимней ночи он дополняет часто используемые маркеры фабричной иллюминацией города: «Снег валит крупными хлопьями, к вечеру загудел ветер и поднялась вьюга; тысячи огней осветил “Русский Манчестер”. Громадные корпуса ткацких и ситценабивных фабрик, густо наполняющих обширную и открытую местность, кидали из своих бесчисленных окон яркие снопы света. Шум и треск машин спорили с воем ветра и, казалось, заглушали его. Масса высоких труб выпускала такой густой и черный дым, что его широкие, волнистые ленты не сливались с наступающим мраком, а, разорванные ветром, неслись в воздухе какими-то страшными, уродливыми чудовищами».²⁹ А в конце рассказа «Красоварка, ее обитатели и посетители» он упоминает «пронзительный гудок паровой машины, возвещающий вторую смену».³⁰ Именно этот аудиальный маркер становится впоследствии часто используемым репрезентантом фабричных и заводских локусов.³¹

В значительной степени образ промышленного села Иванова и города Иваново-Вознесенска XIX в. был сформирован «задним числом» в текстах, написанных и опубликованных в советское время, что не дает возможности их анализа в рамках настоящей статьи. Впрочем,

масштабное эпическое изображение становления русского Манчестера в XX в. так и не появилось.

III

Лодзь фабричная попадала в поле зрения польских писателей и до «Земли обетованной» В. Реймонта. В своей монографии И. Фишбак дает подробный анализ присутствия города в истории польской литературы. Интересующий нас в настоящей статье аспект в ней практически не затрагивается, но предыстория появления главного лодзинского романа XIX в. представлена в полной мере. Так, в частности, указывается, что, по свидетельству Реймонта, идея написания книги о новой капиталистической Польше была подсказана ему повестью В. Косякевича «Хлопок», «милой картинкой нравов на ситцевом фоне», апологетической по отношению к буржуазному прогрессу. В качестве примера приводится отрывок из заключительной части этой повести:

«Он, [хлопок] <...> сожрал дюжину деревень, превратив их в город, как фабрика перерабатывает сырье в красивую ткань для одежды. Он дал хлеб рабочему и миллионы фабрикантам; он поддерживал врачей, адвокатов, фармацевтов, служащих; каждый год он сносил деревянные дома, чтобы заменить их виллами и дворцами; он разрушил сады, чтобы построить заводские стены; он построил великолепные здания, он создал кольцо дымовых труб вокруг города. Кормил людей, расплачивался с ними с избытком».³²

Г. Ружаньска указывает на городофобию литературы «Молодой Польши», что ярко демонстрирует позиция В. Реймонта. Так, в письме к брату, датированном 17 ноября 1895 г., он признается: «...хотел бы ее [Лодзь] как можно быстрее выбросить из своего тела, потому что меня мучают эти рои людей, потому что меня отталкивают эти монстры-фабрики, потому что мне не дают покоя эти машины, движение которых я чувствую внутри себя, свист и шум которых будит меня по ночам».³³ В романе, написанном в 1897–1898 гг. и опубликованном в 1899 г., создана широкая панорама преобладающей Лодзи, показаны ее улицы, фабрики, дворцы нуворишей и лачуги рабочих. Антитеза инородного городского ландшафта

²⁸ Нефедов Ф. Д. Указ. соч. С. 57, 58.

²⁹ Полушин Н. Русский Манчестер // Наблюдатель. 1886. Декабрь. С. 67.

³⁰ Там же. С. 76.

³¹ См.: Тимофеев М. Ю. Там, где видны фабричные трубы, или Гимн индустриального периода (незавершенное эссе из 4 3/4 частей) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 1. С. 4–16.

³² Цит. по: Fiszbak J. Mity “ziemi obiecanej” w regionalnej literaturze Łodzi. Między grą wyobraźni, fikcją literacką a historią. Łódź, 2013. S. 113.

³³ Цит. по: Różańska G. Obraz miasta w “Ziemi obiecanej” Władysława Stanisława Reymonta // Ślupskie Prace Filologiczne. Seria Filologia Polska. 2002. № 1. S. 143.

и привычного сельского пейзажа, отмечаемая Г. Ружаньской,³⁴ обозначается уже в начале романа: «Город, охваченный лихорадкой строительства, неудержимо разрастался вширь, поражая воображение могуществом, неизбывной силой, которая неудержимым потоком хлынула в поля, и там, где еще недавно колосились хлеба и пасся скот, возникали новые улицы, фабрики, новые источники богатства — порождение мошенничества и эксплуатации».³⁵ Реймонт целенаправленно создает завораживающий образ мрачного и отталкивающего города, в котором самые привлекательные его части почти бок о бок сосуществуют с фабриками и трущобами. В отличие от Манчестера ивановские и лодзинские фабриканты строили свои особняки в непосредственной близости от собственных фабрик, окружая их садом или парком. Так, например, «Бухольц жил на окраине города, за своими фабриками. В большом парке, примыкавшем к фабричным стенам, что возвышались над ним, стоял двухэтажный дом, называвшийся “дворцом”, построенный в лодзинско-берлинско-ренессансном стиле, с круглыми башенками по углам, с рядом изящных мансард, с террасой на крыше, обведенной чугунными перилами».³⁶ Далее автор описывает, как, возвращаясь от Бухольца, Боровецкий свернул с Пиотрковской (главной улицы города) на узкую небогатую улочку, которая вела за город и по одной стороне которой стояли длинные, мрачные рабочие казармы, безобразный вид которых нагонял на героя тоску. Дальнейшее описание вполне можно считать типичным для изображения фабричного города:

«Большие трехэтажные каменные коробки без каких-либо украшений, с голыми кирпичными стенами неприятно красного цвета, изгрызенными непогодой, высились на улице, покрытой зловонной грязью; ряды окошек, в которых кое-где белела занавеска или стоял горшок с цветами, глядели на могучие корпуса фабрики, расположившейся по другую сторону улицы за высоким забором и шеренгой тополей-великанов с сухими верхушками, стоявших будто грозные скелеты и отделявших унылые казармы от фабричных корпусов, которые в тишине воскресного отдыха, онемевшие, безмолвные, но могучие, выгребали на

весеннем солнце свои безобразные тела и хмуро поблескивали тысячами окон».³⁷

Предполагалось, что главный герой романа должен был поселиться именно в этом районе, где «с одной стороны окна дома выходили на дворы рабочих казарм, с фасада они глядели в сад и на фабрику, а по левую сторону дома, как и перед фасадом, тянулась последняя улица окраины, также небогатая, с глубокими канавами, вдоль которых росли старые, умирающие деревья, все больше клонившиеся, подмываемые потоками грязной воды с соседних фабрик; за деревьями простирался большой пустырь с множеством ям, луж гнилой воды, окрашенной отходами из белильни».³⁸ Автор отмечает, что «Боровецкий терпеть не мог этот лодзинский пейзаж, он предпочитал жить в наемной и не слишком удобной квартире, зато в самом центре города».³⁹

В первой части романа Реймонт постоянно фокусирует внимание читателя на различных деталях городского пейзажа Лодзи, среди которых особое внимание уделяется возвышающимся над городом трубам, шуму и специфическим запахам текстильного производства, уличной грязи и отходам фабричного производства. Дифференцировать эти составляющие лодзинского текста не всегда представляется возможным, поскольку они порой неотделимы друг от друга, как, например, в следующем описании: «Лодзь тонула в грязно-серых, почти черных испарениях и дымах, нависших над городом, будто покрывало, подерживаемое лесом труб».⁴⁰

В городе со всех сторон слышался глухой шум фабрик, «похожий на неумолкающий гул моря». Эти звуки были знаками экономической стабильности и роста, указывали на то, что производство идет в штатном режиме. Реймонт детализирует звуковую гамму, описывая «новые четырехэтажные громадины со множеством окон..., гудящие от стука ткацких станков, которые несмотря на воскресный день непрерывно работали, от громкого стрекота швейных машин, изготавливающих всякую галантерею на вывоз, и от пронзительного скрежета барабанов, с которых мотали на шпульки пряжу для ручных ткацких станков».⁴¹ Даже невысокие, покосившиеся двухэтажные дома

³⁴ См.: Ibid. P. 141.

³⁵ Реймонт В. С. Земля обетованная. URL: <https://www.libfox.ru/469484-vladislav-reymont-zemlya-obetovannaya.html> (дата обращения: 15.12.2020).

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

ткачей-надомников гудели и дрожали от работы станков. Все это создавало фоновый гул большого фабричного города, где монотонное постукивание домашних ткацких станков сливалось с мощным гулом огромных фабрик.

Описание в «Земле обетованной» начала рабочей смены, сопровождаемое «хором пронзительных гудков» и громким стуком деревянных подошв напоминает будни диккенсовского Кокстауна. Эта тема рефреном присутствует в тексте Реймонта: «...[рабочие] бежали дальше, подгоняемые гудками, которые, будто холодные копья, пронзали тяжелый, серый, продымленный воздух; грязные струи дыма, извергаясь из множества труб, опускались на крыши и заполняли улицы нестерпимой вонью»; «они бежали на фабрику, подгоняемые гудками, которые, подобно канонаде, гремели над городом и звали на работу. Каждый знал голос своего гудка, и каждый, услышав этот ненавистный голос, бросал все и мчался сломя голову, только бы не опоздать»; «пронзительно гудели фабричные сирены со всех сторон — с юга и с севера, с востока и с запада гремели завывания металлических глоток, то сливаясь в единый хор, то разбиваясь на отдельные голоса и скрежетом своим раздирая воздух».⁴²

Ольфакторные характеристики «лодзинского текста» не так многочисленны, но зачастую угадываются там, где автор рассказывает, казалось бы, совсем о другом, как в начале следующего отрывка: «По канавам грязно-желтыми, красными и голубыми ручьями текли фабричные помои; потоки, вытекавшие из некоторых домов и стоявших позади них фабрик, были столь обильными, что, не уместаясь в неглубоких канавах, выходили из берегов, заливали тротуары разноцветными волнами, омывая обитые пороги бесчисленных лавчонок, которые зияли темными отверстиями входов и обдавали прохожих тошнотворными запахами селедок, гниющих овощей и алкоголя».⁴³ Примечательно, что именно с помощью ольфакторного маркера автор описывает границу фабричного города: «Под пригорком, на котором стояли дома, протекал зловонный ручей, отливавший всеми цветами радуги, — в него

спускали фабричные стоки. Петляя между длинными заборами и кучами мусора, он обозначал границу между городом и начинавшимися сразу за ним полями».⁴⁴

Пожалуй, самое частое в романе слово «грязь» является своеобразным символом этого города.⁴⁵ Реймонт сообщает, что по поверхности лодзинских тротуаров, как по воде, ходят волны, и сравнивает их с «черной болотистой речкой». Лодзь представлена в романе как город вечной осени. Сумрак и низко плывущие над землей тучи делают его идеальным местом для нуар-сюжетов. Грязь постоянно присутствует не только в рабочих районах и на фабриках. Даже в центре «мостовая, вся в ямах и выбоинах, была усеяна лужами с липкой грязью — проезжающие дрожки и коляски разбрызгивали ее на тротуары и на гуляющую публику».⁴⁶

Если Кароль Боровецкий, главный герой романа, как и автор, испытывает «непреодолимое отвращение к этому унылому месту», то его неудачливый старый знакомый Травинский восхищается Лодзью, поражаясь ее необузданной энергетике и мощи.

Концепт фабричного города в текстах, посвященных трем рассмотренным текстильным центрам, структурно базируется на синкретизме города и фабрики и на определяющей роли последней в организации среды и формировании ландшафта. Основными факторами, которые фабрика привносит в жизнь локуса, являются специфические звуки и запахи, а также заметные визуальные доминанты, которые попадают в поле зрения английских, русских и польских авторов в определенной степени независимо друг от друга, несмотря на очевидную диахронию.

Типические черты демонстрируются авторами с помощью достаточно универсального субстрата фабричного города. Семиотическая матрица создается с помощью таких неотъемлемых элементов фабричной культуры XIX в., как возвышающиеся кирпичные трубы и огромные производственные корпуса, специфические запахи и звуки, а также дым и грязь.

Mikhail Yu. Timofeev

Doctor of Philosophical Sciences, Ivanovo State University (Russia, Ivanovo)

E-mail: timofeev.01@gmail.com

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ См.: Róžańska G. Op. cit. S. 144.

⁴⁶ Реймонт В. С. Указ. соч.

SEMIOTIC MATRIX OF THE 19th CENTURY FACTORY CITY:
MANCHESTER, IVANOVVO-VOSNESENSK AND LODZ

The article is devoted to the formation of an industrial urban narrative in the 19th century literature. Changes in the urban environment as a result of the industrial revolution presupposed creation of a new figurative language, which could be used to describe industrial centers. This concerned the portrayal of social changes and their context. The main antithesis of industrial loci is not the patriarchal city, but the natural environment or the countryside, changing as a result of expansion of a growing number of factories and plants. One of the most rapidly developing spheres of capitalist production in the 18th–19th centuries was the textile industry. In the middle of the 19th century, Manchester became a kind of benchmark for textile centers in different European countries. As an example of the depiction of industrial loci, the author considers texts about two “Manchesters” of the Russian Empire — the village of Ivanovo (since 1871, the city of Ivanovo-Voznesensk) and the Polish city of Lodz. In the first case, numerous essays, stories and poems are the basis used to form the local text. In the second case, it is the famous V. Reymont’s novel “The Promised Land”. The semiotic analysis is applied to the urban environment and landscape, the auditory and olfactory characteristics of typical industrial cities.

Keywords: *city semiotics, urban text, factory city, “local text”, semiotic matrix of the city*

REFERENCES

- Abashev V. V. *Perm' kak tekst. Perm' v russkoy kul'ture i literature XX veka* [Perm as a Text. Perm in the 20th century Russian Culture and Literature]. Perm: Izd-vo Permskogo universiteta Publ., 2000. (in Russ.).
- Dmitrevskaya I. V. *Tekst kak sistema: ponimanie, slozhnost, informativnost* [Text as a system: understanding, complexity, informational content]. Ivanovo: IVGU Publ., 1985. (in Russ.).
- Fiszbak J. *Mity “ziemi obiecanej” w regionalnej literaturze Łodzi. Między grą wyobraźni, fikcją literacką a historią* [Myths of “The Promised Land” in Lodz regional literature. Between the play of imagination, literary fiction and history]. Lodz: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego Publ., 2013. (in Polish).
- Golubev N. A. [Factory chimney as the capital letter of Ivanovo text. Interaction of landscapes]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University]. 2013, vol. 19, no. 3, pp. 113–115. (in Russ.).
- Golubev N. A. [Smells of the city: olfactory characteristics of the “Ivanovo text”]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Seriya: Gumanitarnye nauki* [News of Higher Schools. Series “Humanities”], 2014, vol. 5, no. 2, pp. 107–111. (in Russ.).
- Golubev N. A. *Formirovanie lokal'nogo teksta: ivanovskiy opyt: kand. diss.* [Formation of local text: Ivanovo experience: Diss. Cand.]. Ivanovo, 2014. (in Russ.).
- Kasatkina S. S. *Urbosfera: praktiki osmysleniya gorodskogo prostranstva* [Urbosphere: practices of understanding urban space]. Cherepovets: Cherepovetskiy gos. un-t Publ., 2018. (in Russ.).
- Lotman Yu. M. [From the Editor]. *Semiotika goroda i gorodskoy kul'tury. Peterburg. Trudy po znakovym sistemam* [Semiotics of the city and urban culture. Petersburg. Sign Systems Studies]. Tartu: Tartuskiy gos. un-t Publ., 1984, iss. 18, p. 3. (in Russ.).
- Pickering P. “Sooty Manchester”: (Re)Presenting an Urban-Industrial Landscape. Constructing Industrial Pasts: Heritage, Historical Culture and Identity in Regions Undergoing Structural Economic Transformation. New York; London: Berghahn Books, 2020, pp. 27–46. (in English).
- Róžhan'ska G. [The image of the city in Vladislav Stanislav Reymont's “The Promised Land”]. *Slupskie Prace Filologiczne. Seria Filologia Polska* [Slupsk Philological Works. Series: Polish Philology], 2002, no. 1, pp. 141–147. (in Polish).
- Taganov L. N. *“Ivanovskiy mif” i literature* [“Ivanovo Myth” and Literature]. Ivanovo: LISTOS Publ., 2014. (in Russ.).
- Timofeev M. Yu. [Factory landscape as a calling card of Ivanovo]. *Geografiya iskusstva: novye rakursy* [Geography of art: new perspectives]. Moscow: GITR Publ., 2020, pp. 213–222. (in Russ.).
- Timofeev M. Yu. [Where Factory Chimneys Are Visible, or the Anthem of the Industrial Period (unfinished essay in 4 3/4 parts)]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy* [Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences], 2014, no. 1, pp. 4–16. (in Russ.).
- Timofeev M. Yu. *Natsiosfera: Opyt analiza semiosfery natsiy* [Nationsphere. Experience in analyzing the semiosphere of nations]. Ivanovo: Ivan. gos. un-t Publ., 2005. (in Russ.).
- Toporov V. M. [Petersburg and the “Petersburg text of Russian literature” (introduction to the topic)]. *Semiotika goroda i gorodskoy kul'tury. Peterburg. Trudy po znakovym sistemam* [Semiotics of the city and urban culture. Petersburg. Sign Systems Studies]. Tartu: Tartuskiy gos. un-t Publ., 1984, iss. 18, pp. 4–29. (in Russ.).
- Tyutyunnik Yu. G. *Obekty industrialnoy kul'tury i landshaft* [Objects of industrial culture and landscape]. Kiev: IPK “Ukraina” Publ., 2007. (in Russ.).
- Uemov A. I. *Sistemnyy podkhod i obshchaya teoriya sistem* [System approach and general systems theory]. Moscow: Mysl Publ., 1978. (in Russ.).

Вид на Манчестер из Керсал-Мур, деревенские фигуры и козы. Худ. У. Уайлд, 1852 г.
Британская королевская коллекция, г. Виндзор

«Русский Манчестер». Вид с Покровской горы на разлив реки Увось. Худ. М. К. Ефимов, 1895 г.
Музей промышленности и искусства, г. Иваново